

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ФИННО-УГОРСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье на основе социологического исследования удмуртов, статистических данных рассматриваются особенности демографического поведения финно-угорской молодежи. Автор приходит к выводу, что в среде удмуртов продолжается тревожная ориентация на малолетность, характерная и для большинства российских финно-угров. В то же время молодежь обладает значительным потенциалом для выравнивания демографической ситуации.

Ключевые слова: демография, поведение, молодежь, финно-угорские народы, социология.

Воспроизводство населения – один из наиболее актуальных вопросов в современной России. Продолжающееся снижение численности населения, старение и сокращение трудоспособной его части, отток людей в экономически развитые регионы, несбалансированная миграционная политика оказывают прямое влияние на социально-экономическую жизнь страны. Не случайно руководство Российской Федерации приняло концепцию долгосрочной демографической политики и стало осуществлять конкретные меры для преодоления демографического кризиса. Серьезную озабоченность вызывает демографическая ситуация, сложившаяся у финно-угорских народов. Известный демограф В.В. Фаузер отмечает, что время между переписями 1989 и 2002 годов по потерям населения стало самым катастрофическим для финно-угорских народов за XX век даже на общем фоне депопуляции страны [17, с. 23]. Сама жизнь ставит задачу выяснения причин демографического кризиса у данных народов, определения возможных сценариев их демографического поведения и поиска мер, способных приостановить существующие неблагоприятные тенденции. В этой связи актуальным становится рассмотрение ценностных и поведенческих установок финно-угорской молодежи, поскольку именно от молодых поколений зависит дальнейшее будущее этих народов.

В работе предпринята попытка рассмотрения демографического поведения финно-угорской молодежи на примере Удмуртской Республики через призму демографической и социокультурной ситуации в полиэтничном регионе. В основу работы легли полевые материалы этнографических экспедиций в сельские районы Удмуртской Республики, собранные автором на протяжении 2006–2009 гг., а также результаты этносоциоло-

гического опроса сельской молодежи, проведенного в рамках исследовательского проекта молодых ученых УрО РАН «Динамика демографических процессов в полиэтничном регионе: исторический опыт и современное состояние».

В самом начале определимся с понятийно-категориальным аппаратом, используемым в работе. Автор придерживается достаточно распространенного определения понятия «демографическое поведение», которое включает в себя систему действий и отношений, опосредованно выражающих демографические поступки, явления. Это сложный результат взаимодействия физиологических и психологических характеристик индивида, условий его жизнедеятельности, а также духовных норм и ценностей окружающих его социальных групп и общества в целом. Результатом демографического поведения индивида, семей и других малых групп является сохранение или изменение их демографического статуса. Психологическим регулятором демографического поведения выступают демографические установки личности, определяющие согласованность разного рода действий, обусловленных положительным или отрицательным отношением к тем или иным демографическим поступкам (рождению определенного числа детей, возрасту вступления в брак, разводу, миграции и др.) [20].

Рассмотрим показатели рождаемости и смертности в Удмуртии, свидетельствующие о динамике демографических процессов в регионе (см. табл. 1). Таблица составлена по официальным статистическим данным, опубликованным в периодической печати [12; 13; 14; 15; 16].

Как видим, на протяжении последних восьми лет в республике продолжается естественная убыль населения. В то же время наблюдается

тенденция естественного прироста населения (превышение рождаемости над смертностью). Показательным в этом плане стал 2009 г., когда впервые за многие годы произошло превышение числа родившихся над числом умерших.

Повышение рождаемости можно объяснить рядом причин. С 1 января 2006 г. начал действовать национальный проект «Здоровье», в рамках которого медучреждения первичного звена (муниципальные поликлиники, участковые больницы) получили дополнительное финансирование, была увеличена заработная плата участковым врачам и медсестрам, введены родовые сертификаты, приняты меры по обеспечению доступности и качества медицинской помощи, лечения и профилактики заболеваний. В январе 2007 г. вступил в силу закон о материнском капитале, согласно которому семьям, родившим (усыновившим) второго, третьего или последующего ребенка, выдается сертификат на материнский (семейный) капитал в размере 300 тысяч рублей. В Удмуртской Республике это отразилось не только в увеличении рождаемости, но и в увеличении доли родившихся вторых и третьих детей у женщин в возрасте 25–29 лет и старше, особенно после 35 лет [4, с. 8–9]. В то же время замедлился темп роста показателей в молодых возрастных группах.

Кроме того, начиная с 2000 г. начали вступать в детородный возраст так называемые «горбачевские» дети – поколение, родившееся во вре-

мя демографического всплеска 1983–1987 гг., вызванного проведением антиалкогольной кампании и принятием ряда мер государственной поддержки семей с детьми. К сожалению, по мнению экспертов, данный эффект продлится до 2011–2012 гг., а затем вновь пойдет спад числа родившихся [6, с. 14–15].

Улучшение показателей рождаемости и смертности населения можно объяснить и относительной стабилизацией социально-экономической ситуации в стране в период с 2000 по 2008 г., когда общество почувствовало некоторую уверенность в завтрашнем дне. Как отметил заместитель директора Института макроэкономических исследований В.Г. Костаков, «люди рожают реже, умирают чаще, потому что живут в тревоге; тревоги уходят – рожают чаще, умирают реже» [11, с. 14–15]. В связи с этим возникают резонные опасения, что последствия мирового финансово-экономического кризиса, охватившего и Россию, дадут обратный эффект и негативно скажутся на динамике роста рождаемости. Не является ли снижение количества родившихся в начале 2010 г. показателем данного процесса?

Естественная убыль населения в республике идет на фоне отрицательного сальдо внутренней миграции. К примеру, в январе-декабре 2008 г. миграционная убыль составила 2922 человека, что на 66 человек больше, чем за аналогичный период 2007 г. [15]. Во многом это объясняется тем, что Удмуртская Республика не является привлекательным местом для жизни. В ПФО лидерами притяжения внутренних мигрантов являются Самарская, Саратовская, Нижегородская области и Республика Татарстан, которые в 90-е гг., например, приняли 70% миграционного притока в округ [10].

В Удмуртской Республике достаточно четко прослеживаются три основных тенденции в процессе внутренней миграции населения: переезд из деревень в районные центры и города, из республики – в другие регионы и крупные федеральные города и, наконец, – выезд за границу. Некоторая условность подобного разделения позволяет тем не менее охарактеризовать и проанализировать происходящие общественные процессы, если при этом иметь в виду, что они могут частично пересекаться или совпадать.

В последние годы активно идет процесс вымывания населения из сельской местности. Одна

Таблица 1. Основные демографические показатели по Удмуртской Республике за 2002 – I квартал 2010 гг.

Годы	Количество		Естественный прирост (+), убыль (-)	На 1000 населения
	родившихся	умерших		
2002	16274	22333	-6059	-4,1
2003	16509	22575	-6066	-4,2
2004	16843	21867	-5024	-3,5
2005	15823	22004	-6181	-4,4
2006	16149	20241	-4092	-2,9
2007	17820	19925	-2105	-1,5
2008	18641	19673	-1032	-0,7
2009	21155	20286	+869	+0,5
2010 (I квартал)	3237	3548	-311	-1,3

из основных причин этого явления кроется в сложной экономической ситуации в сельскохозяйственном производстве. По данным 2009 г., уровень оплаты труда работников, занятых в сельском хозяйстве, в 2,1 раза ниже среднего уровня оплаты труда в целом по республике [16]. Из села уезжают в основном наиболее мобильные и работоспособные люди, востребованные в других сферах экономики. Ситуация эта принимает достаточно угрожающие размеры, и это не может не тревожить правительство Удмуртской Республики, где всерьез заговорили о кадровом дефиците в сельской местности [2]. Есть все основания предполагать, что в ближайшей перспективе стремление селян трудоустроиться вне сферы сельскохозяйственного производства будет расти. И сохранится до тех пор, пока экономическое положение субъектов хозяйствования коренным образом не изменится в лучшую сторону. Отметим, что подобная тенденция не является характерной только для Удмуртии. По словам экспертов, «в 2000-х годах... вновь происходит вымывание населения из внутренних периферий освоенной части страны и концентрация мигрантов в крупнейших агломерациях, особенно федеральных городов» [6, с. 57].

Адаптационные модели поведения молодежи во многом повторяют родительские. Наиболее способная, активная часть молодых людей стремится уехать из сельской местности, закрепиться в городах. К этому их толкает недостаток рабочих мест, отсутствие жилья, ухудшение инфраструктуры села, низкий уровень культурных услуг. Хорошей иллюстрацией к сложившейся ситуации служит выписка из справки, полученной по одному из сельских поселений республики: «Значительными факторами, повлиявшими на социально-экономическое развитие поселения, явились ликвидация с территории с. Тыловой Тыловайской сельхозхимии, Тыловайского торгового предприятия, РСУ, Урдумошурской электрической подстанции, комбината бытового обслуживания. Определенное психологическое воздействие оказала разборка строящегося Дома культуры и кирпичного завода, прекращение строительства дороги с твердым покрытием, отсутствие финансирования по программе газификации. В связи с этим население, особенно молодежь, территорию муниципального образования рассматривает как неперспективное место проживания,

имеется высокая степень безработицы, демографические показатели из года в год имеют отрицательный баланс» [7, с. 4]. Темпы оттока таковы, что жители населенного пункта с тревогой констатируют: «Когда молодежь вся уедет, села уже не будет» [8, с. 111–112]. Нормой стало заводить в семье одного-двух детей, редко – трех и больше. Происходит сокращение количества учеников в школах, ведущее к практике «оптимизации» школ и детских садов в деревнях. Молодые люди, получив образование в городе, как правило, предпочитают не возвращаться в деревню. Да и сами родители часто ориентируют детей на городскую жизнь.

Стоит отметить, что миграция в город – вполне объективный процесс, отток наиболее мобильной части сельского населения происходил всегда, ибо город предоставляет большее количество альтернатив для самореализации, чем село. Однако в последние 15 лет внутренние миграционные процессы приняли угрожающие размеры. Село покидает подавляющая часть молодежи, что подрывает основы воспроизводства деревенского населения. Для удмуртского этноса это может иметь далеко идущие последствия, поскольку происходит размывание достаточно однородного этнического массива. Исторически сложилось, что в сельской местности региона проживает большое количество удмуртов. В современном размещении населения четко прослеживается своеобразное разделение республики на преимущественно «русский» город и большей частью «удмуртское» село [9]. Доля удмуртов, проживающих в городах, в 1989 г. составляла 48,1% от общей численности этноса. Согласно переписи 2002 г., их количество уменьшилось не намного, составив 46,6% [18, с. 20]. У русских и татар же процент горожан в 1989 г. составлял соответственно 80,7 и 85,5%. Столь значительную разницу в показателях удмуртов, с одной стороны, и русских и татар, с другой, специалисты объясняют комплексом исторических причин и психологических особенностей удмуртского этноса, в том числе и сильной приверженностью традиционной культуре [5, с. 90–91]. Данная ситуация характерна и для других финно-угорских народов России: на данный момент среди коми селяне составляют 52,5%, коми-пермяков – 61,1%, марийцев – 57,6% саамов – 57,2%, хантов – 65,4% [17, с. 28]. Отток населения из сельской местности способствует сокращению численности удмуртов,

поскольку в городской среде гораздо активнее идут ассимиляционные процессы. Зачастую дети таких «переселенцев», находящиеся в русскоязычной среде, начинают идентифицировать себя с иным этносом. Вполне возможно, что процесс урбанизации, охвативший все финно-угорские народы, может послужить толчком для дальнейшего сокращения их численности.

Миграционные настроения бытуют и в городе, в первую очередь – среди молодежи. Здесь наиболее привлекательными являются крупные федеральные города, прежде всего Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Казань и др., либо северные регионы страны, где можно трудоустроиться на предприятиях нефтегазовой отрасли. Основная мотивация выезда за пределы республики – более широкий спектр возможностей для получения рабочего места с вы-

сокой оплатой труда. Справедливости ради следует отметить, что выбор жизненных стратегий молодыми людьми далеко не всегда обусловлен только желанием заработать больше денег. Для наиболее активной части молодежи достаточно значимым является карьерный и личностный рост, возможность самореализации.

Как видим, социализация современной молодежи идет в сложных условиях. Российское общество, находясь на переломном этапе, переживает дезинтеграцию (разобщение) в социальных, экономических, культурных средах. Родителям все труднее выполнять функции агентов социализации, транслировать подрастающим поколениям ценностные и смысловые ориентиры, помогающие выстраивать оптимальные модели коммуникаций и предупреждающие личностную аномию. Нередки случаи, когда родители сами вынуждены обращаться к детям за консультацией, корректируя через них свои представления о реальных ценностях современного российского общества [1]. Утрата преемственности поколений часто приводит к взаимным упрекам: родители обвиняются в отсталости, косности, молодые – в инфантилизме, эгоизме и т. д.

Получить некоторое представление об этнических представлениях, оценке материального положения, отношении к семейным ценностям, оценке жизненной ситуации сельской удмуртской молодежи нам помогут результаты пилотажного этносоциологического исследования, проведенного в 2009 г. в Игринском районе Удмуртии. В исследовании приняли участие 62 человека в возрасте от 14 до 18 лет. Процентное соотношение девушек и юношей в выборке составляет 59% девушек и 31% юношей. По национальному составу выборка представлена следующим образом: по 47% русских и удмуртов, татар – 3%, принадлежность к другим этносам указали также 3%. Этносоциологический опрос проводился методом анкетирования, выборка гнездовая (исследование молодежной среды), бесповторная. В анкете респондентам предлагалось ответить на 20 вопросов, охватывающих различные сферы жизни.

В таблице 2 отражено отношение молодых людей к институту семьи.

подавляющее большинство респондентов видят в семье одну из главных ценностей и смысл жизни. Однако количество удмуртов, согласных с

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «На ваш взгляд, семья – это...»

№ пп	Варианты ответов	Общие (%)	Русские (%)*	Удмурты (%)
1	Только обуза в жизни	–	–	–
2	Главная ценность и смысл жизни	69	76	59
3	Так принято в обществе	5	–	10
4	Затрудняюсь ответить	23	21	28
5	Свой вариант	3	3	3

* здесь и далее в процентах от числа опрошенных в каждой группе

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Кто помогает Вам в решении проблем?» (укажите три варианта) *

№ пп	Варианты ответов	Общие (%)	Русские (%)	Удмурты (%)
1	Родители	92	72	86
2	Родственники	33	38	21
3	Друзья, знакомые	72	83	72
4	Администрация района	2	–	3
5	Общественная организация	–	3	–
6	Политическая партия	–	–	–
7	Рассчитываю только на свои силы	23	34	27

* суммарное количество ответов может превышать 100%, так как респондентам было предложено выбрать несколько вариантов ответов

этим утверждением, по сравнению с русскими меньше на 17%, а 10% из них вообще считают, что семья – это дань сложившейся общественной традиции: «так принято». Вариантов резкого неприятия института семьи в группах не выявлено, но большой процент затруднившихся с ответом настораживает, а вернее – озадачивает, так как по ответам на следующий вопрос (см. табл. 3) можно судить о том, что роль семьи как гаранта помощи при решении жизненных проблем оценивается молодыми людьми очень высоко.

В распределении ответов видно, что молодежь за помощью и поддержкой прежде всего обращается к родителям и друзьям. При этом удмурты чаще, нежели русские, пользуются этой помощью. Ситуация не говорит о том, что материальная зависимость удмуртской сельской молодежи слишком высока. Напротив, согласно данным статистики, до 80% сельской молодежи ориентируется на собственные возможности и усилия в достижении материального благополучия [3, с. 56], стараясь быть экономически самостоятельными. Рискнем предположить, что молодежь обращается к поддержке родителей не только в случаях материальных, финансовых затруднений, что ее связывают с семьей и эмоциональные, и психологические чувства (привязанности, доверия, любви). В то же время органы власти и общественные организации в глазах молодых не пользуются популярностью.

Любопытна оценка молодыми людьми мотивов вступления в брак. Возраст опрошенных предполагает отсутствие у подавляющего большинства из них собственного опыта брачных отношений, скорее всего, их ответы свидетельствуют об отношениях и нормах, бытующих в социальном окружении.

Судя по ответам, вступление в брак рассматривается как высшая форма проявления взаимной любви (русские – 65%, удмурты – 55%) и симпатии (27% и 24% соответственно). Почти пятая часть опрошенных в качестве причины вступления в брак указала беременность. У удмуртских респондентов она фигурирует чаще (21%), чем у русских (17%). При этом большая часть удмуртов не мыслит секс без брака (10%), среди русских таковых 3%. Данные таблицы позволяют говорить о том, что влияние родителей на жизнь детей в удмуртском обществе сильнее, нежели в русском. Об этом можно судить по ситуации вступле-

ния в брак «по беременности», «по настоянию родителей», а также малому проценту желающих создать семью, «чтобы жить отдельно от родителей» (всего 3%).

Для прогнозирования демографической ситуации и обоснования мер демографической политики наибольшее значение имеет анализ репродуктивных установок молодежи. Для их изучения в анкету был включен вопрос о желаемом количестве детей (см. таблицу 5). Взгляды респондентов на количество детей могут, конечно, поменяться, однако их ответы свидетельствуют о некоторых жизненных ориентирах.

Большинство опрошенных в обеих группах хотели бы иметь двоих детей (48% русских и

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «На ваш взгляд, по какой причине люди вступают в брак?» (укажите все подходящие варианты ответов)*

№ пп	Варианты ответов	Общие (%)	Русские (%)	Удмурты (%)
1	Чтобы жить отдельно от родителей	11	17	3
2	Это престижно	3	–	7
3	Для улучшения материального положения	8	7	5
4	По любви	66	65	55
5	Из мести	–	–	–
6	Из-за беременности	18	17	21
7	Для удовлетворения сексуальных потребностей	7	3	10
8	По настоянию родителей	8	7	10
9	Чтобы избежать одиночества	18	21	17
10	По взаимной симпатии	26	27	24

* суммарное количество ответов может превышать 100%, так как респондентам было предложено выбрать несколько вариантов ответов

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Сколько детей вы хотите иметь в будущем?»

№ пп	Варианты ответов	Общие (%)	Русские (%)	Удмурты (%)
1	Одного	13	14	17
2	Двоих	44	48	38
3	Троих	18	17	17
4	Затруднились ответить	23	21	24
5	Не хочу детей вообще	2	–	4

38% – удмуртов). По 17% хотят завести троих детей. Настораживает нацеленность молодых удмуртов на однодетную или бездетную семью, что в ближайшей перспективе может обернуться достаточно ощутимым сокращением генофонда удмуртского этноса. Как отмечают исследователи, снижение рождаемости у удмуртов началось еще в послевоенный период, и к концу 1970-х годов они приблизились к народам с низким уровнем рождаемости [19, с. 193]. Возможно, молодые люди просто воспроизводят негативный тренд, сложившийся до них. Следует добавить, что снижение рождаемости у удмуртов идет в общем русле подобных процессов у российских финно-угров и подтверждается другими исследованиями [17, с. 375].

Таким образом, демографическое положение основной части финно-угорских народов России остается сложным, сохраняется тенденция сокращения их численности. Основными причинами являются естественная убыль населения за счет превышения смертности над рождаемостью и ассимиляционные процессы. Исключение со-

ставляют коренные малочисленные народы российского Севера, показавшие рост численности: ненцы – на 20%, ханты – на 28,7%, манси – на 38,8%, саами – на 8,5%, селькупы – на 19%, энцы – на 19,7%. Нестабильная социально-экономическая ситуация в регионах, продолжающийся отъезд населения из сельской местности способствуют сохранению процесса сокращения численности финно-угорских народов европейской части России. В то же время имеются ресурсы для преломления ситуации. Так предварительные результаты этносоциологического опроса показывают, что сельская молодежь представляет собой особый социальный слой, обладающий рядом культурных особенностей, определенным демографическим поведением и составляющий серьезный общественный ресурс для выравнивания демографической ситуации. Успешная реализация данного потенциала требует государственной поддержки, прежде всего в улучшении социальной и культурной инфраструктуры села, в решении проблемы с жильем и трудоустройства сельских жителей.

24.10.2010

Список литературы:

1. Алабужева, С. В. Трансформация ценностных ориентаций в современной российской семье / С. В. Алабужева // Современная семья: традиции и инновации: материалы Всероссийской научно-практической конференции 3 декабря 2008 г. – Ижевск, 2008. С. 71.
2. Глухова, Е. Подались в бега / Е. Глухова // Business Class. Удмуртия. – 2008. – №40. – С. 11.
3. Государственный доклад о положении молодежи в Удмуртской Республике в 2007 году / Государственный комитет Удмуртской Республики по делам молодежи. – Ижевск: ГК по делам молодежи УР, 2008. – 184 с.
4. Государственный доклад о состоянии здоровья населения Удмуртской Республики в 2008 году / отв. за выпуск В. К. Гасников. – Ижевск: Изд-во РМИАЦ МЗ УР, 2009. – 280 с.
5. Губогло, М. Н. Феномен Удмуртии. Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX века / М. Н. Губогло, С. К. Смирнова. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2001. – 491 с.
6. Демографическая политика России: от размышлений к действию (Доклад Представительства ООН в России). – М.: Предст. ООН в РФ, 2008. – 76 с.
7. Итоги социально-экономического развития МО «Тыловайское» за 2008 год [рукопись]. – С. Тыловой Дебесского района Удмуртской Республики, 2008. – 26 с.
8. Материалы полевых этнографических исследований, собранные в 2009 г. н. с. отдела исторических исследований к. и. н. Поздеевым И. Л. в Вавожском, Дебесском районах Удмуртской Республики / Научно-отраслевой архив УИИЯЛ УрО РАН, РФ. Оп. 2-Н. Д. 1495. 197 л.
9. Поздеев, И. Л. Образовательные стратегии современной молодежи (на примере Удмуртской Республики) / И. Л. Поздеев // Молодежь и будущее России. Материалы Третьей всероссийской научно-практической конференции. Сб. науч. тр. ИНИОН РАН / редкол.: Пивоваров Ю. С. (отв. ред.) и др. – М.: ИНИОН РАН, 2008. С. 434-435.
10. Пряхникова, О. Н. Внутривоспитательная миграция: миграционная ситуация в регионах России / О. Н. Пряхникова // Экономические и социальные проблемы России. Сб. науч. тр. / РАН, ИНИОН. М.: ИНИОН РАН, 2007. №2. Миграционные процессы в России. С. 111.
11. Смольякова, Т. Цифровой портрет страны / Т. Смольякова // Российская газета. – 2009. – №22 (4846). – С. 6.
12. Социально-экономическое положение Удмуртской Республики в январе – декабре 2003 г. // Удмуртская правда. – 2004. – №17. – С. 3.
13. Социально-экономическое положение Удмуртской Республики в 2004 г. // Удмуртская правда. – 2005. – №13. – С. 3.
14. Социально-экономическое положение Удмуртской Республики в январе–декабре 2006 г. // Удмуртская правда. – 2007. – №14. – С. 3.
15. Социально-экономическое положение Удмуртской Республики в январе – декабре 2008 г. // Удмуртская правда. – 2009. – №11. – С. 3.
16. Социально-экономическое положение Удмуртской Республики в 2009 году // Удмуртская правда. – 2010. – №14. – С. 3.
17. Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра / отв. ред. А. К. Конохов. – Сыктывкар, 2008. – 271 с.
18. Финно-угорские народы России: Статистический сборник. – Сыктывкар, 2005. – 84 с.
19. Христолюбова, Л. С. Социально-демографическая характеристика семьи / Л. С. Христолюбова // Удмурты: историко-этнографические очерки / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. С. 186-196.
20. Шахотько, Л. П. Демографическое поведение [Электронный ресурс] / Л. П. Шахотько // Социология: Энциклопедия. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1312 с. – URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/sociology/article/soc/soc-0303.htm>.

Сведения об авторе:

Поздеев Игорь Леонидович, научный сотрудник отдела исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, кандидат исторических наук
426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4, тел. (3412) 563954, e-mail: pozdeev@istu.ru

UDC 323.1

Pozdeyev I.L.

DEMOGRAPHIC BEHAVIOR CHARACTERISTICS OF FINNO-UGRIC YOUTH

Demographic behavior characteristics of Finno-Ugric youth are studied on the basis of sociological research of Udmurt people and statistical data. The author considers that the alarming orientation on having small number of children is inherent either for Udmurt people or for Russian Finno-Ugric people in common. At the same time the youth has considerable potential for improving the demographic situation.

Key words: demography, behavior, youth, Finno-Ugric people, social science.

1. Alabuzheva, S. V. The transformation of valuable orientations in a modern Russian family/ Alabuzheva S. V. // Modern family: traditions and innovations: materials of the Russian scientifically-practical conference on December, 3rd, 2008. – Izhevsk, 2008. P. 71
2. Glukhova, E. Have moved in races / Glukhova, E. // Business Class. Udmurt republic. – 2008. – №40. – P. 11
3. The state report on a position of youth in the Udmurt Republic in 2007 / The state youth authority committee of Udmurt republic. – Izhevsk: civil code of youth authority in Udmurt republic, 2008. – 184 ps.
4. The state report on Udmurt republic population health in 2008 / responsible for release V. K. Gasnikov – Izhevsk: Publishing house RMIAC MPH UR, 2009. – 290 ps.
5. Guboglo, M. N. The phenomenon of Udmurtiya. Ethnopolitical transformation Paradoxes in the end of XX century / M. N. Guboglo, S. K. Smirnova – M: Institute of ethnology and anthropology of the RAS, 2001. – 491 p.
6. Russian demographic policy: from reflections to action (The report of United Nations Representation in Russia). – M.: United Nations representation in the Russian Federation, 2008. – 76 p.
7. Social and economic development MO «Tylovajsky» results for 2008 [manuscript]. – Tylovaj village of Debessky area of the Udmurt Republic, 2008. – 26 p.
8. The field ethnographic researches materials of the research assistant of department of historical researches, the candidate of historical sciences, Pozdeev I. L. for Vavozhsky, Debessky areas of the Udmurt Republic in 2009. / Scientifically and branch archive of Udmurt Institute of history, language and literature Ural branch of the RAS, RF. In. 2-N. C. 1495. 197 p.
9. Pozdeev, I. L. Educational strategy of modern youth (example of Udmurt Republic) / I. L. Pozdeev // Youth and the future Russia. Materials of the Third Russian theoretical and practical conference. Collected science papers INION Academy of Sciences / Editorial board: Pivovarov Yu. S. (the editor-in-chief) and others. – M.: INION Academy of Sciences, 2008. P. 431–432.
10. Pryazhnikova, O. N. In-Russian migration: migratory situation in Russian regions / O. N. Pryazhnikova // Economic and social problems of Russia. Collected science papers / Academy of Sciences, INION. M.: INION Academy of Sciences, 2007. №2. Migratory processes in Russia. P. 111.
11. Smolyakova, T. Digital portrait of the country / Smolyakova, T. // Rossiyskaya Gazeta. – 2009. – №22 (4846). – P. 6.
12. Socio-economic situation of the Udmurt Republic in January-December, 2003 // Udmurtskaya Pravda. – 2004. – №17. – P. 3
13. Socio-economic situation of the Udmurt Republic in 2004 // Udmurtskaya Pravda. – 2005. – № 13. – P. 3.
14. Socio-economic situation of the Udmurt Republic in January-December, 2006 // Udmurtskaya Pravda. – 2007. – №14. – P. 3.
15. Socio-economic situation of the Udmurt Republic in January-December, 2008 // Udmurtskaya Pravda. – 2009. – №11. – C. 3.
16. Socio-economic situation of the Udmurt Republic in January-December, 2009 // Udmurtskaya Pravda. – 2010. – №14. – P. 3.
17. The Finno-Ugric people of Russia: yesterday, today, tomorrow / the editor-in-chief A. K. Konyukhov. – Syktyvkar, 2008. – 271 p.
18. The Finno-Ugric people of Russia: the Statistical collection. – Syktyvkar, 2005. – 84 p.
19. Khristolyubova, L. S. The socio-demographic characteristic of family / L. S. Khristolyubova // Udmurts: historical and ethnographic sketches / Udmurt Institute of history, language and literature Ural branch of the RAS. – Izhevsk: Udmurt Institute of history, language and literature Ural branch of the RAS, 1993. 186–196 p.
20. Shakhotko, L. P. Demographic behavior [the Electronic resource] / L. P. Shakhotko // Social science: Encyclopedia. – Sp.: Knizhnyy Dom, 2003. – 1312 ps. URL: <http://slovary.yandex.ru/dict/sociology/article/soc/soc-0303.htm>.